

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Место снов

Пчелиный волк

Кошки ходят поперек

Снежные псы

Краткая история тьмы

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА
СТРАНЫ
МЕЧТЫ

ПЧЕЛИНЫЙ ВОЛК

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Пчелиный волк / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с. — (Фэнтези Эдуарда Веркина. Хроника Страны Мечты).

ISBN 978-5-04-091851-5

Он прекрасный боец, у него отличные навыки выживания, он умеет подстраиваться под ситуацию и принимать самостоятельные решения. Он подросток. А еще он результат проекта «Пчелиный волк». Тот, кто проникнет в Страну Мечты и вывернет ее наизнанку ради целей, которые поставила корпорация. Но что будет, когда он на самом деле попадет в мир желаний? Ведь этот мир тоже умеет подстраиваться. И всякий оказавшийся в нем должен решить свою собственную задачу, иначе из Мечты не выбраться. И все эти рыцари, гномы, драконы, кобольды, эльфы — кирпичики в дороге, по которой можно вернуться назад.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091851-5

© Веркин Э., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Пчелиный волк (*Philantus Triangulum*) —
одиночная оса из семейства роющих ос. Охо-
тится на медоносных пчел, убивает их и вы-
сасывает мед.

Часть I

Дверь

Глава 1

Убей василиска!

Они меня бесят. Все. Дрюпин, Седой, Сирень. Ван Холла не было, он вообще редко бывает, только по делам особой важности, но все равно бесит.

Дрюпин и Сирень сидят прямо передо мной. Седой, как руководитель проекта, за спиной. Наблюдает за нами типа. А сам только и делает, что пилюли синенькие глотает. Суперпилюли от суперукачивания. Нам пилюли не дает — они, вроде того, снижают скорость реакции. Остроту. Поэтому мы страдаем.

Сирени плохо. Но виду не подает, опустила забрало шлема, видно только подбородок. Подбородок дергается.

Глядеть на лицо Дрюпина, дрожащее как недозастывшее желе, невыносимо. Мне кажется, что еще пара секунд и Дрюпин расслоится, протечет через дырчатое кресло, протечет через пол, распылится над тайгой маслянистым дождем, станет землей, станет травой, какой-нибудь черемшой, или даже волчанкой, станет костяником. Нельзя смотреть на этот пудинг. Активирую светофильтры, осторожно цепляю наушник. Поехали.

ЭДУАРД ВЕРКИН

А-а-а-а-р!

По лесу шагал Франциск, собирал цветочки,
Я у папы лоб один, нет у папы дочки.
Вдруг из кушей василиск с хитрыми глазами,
Шустрый Франци бросил меч: загрызу зубами!

Убей василиска, убей!

Найди его тушку средь скудных просторов!

Убей василиска, убей!

Средь белого мха иль средь косогулов

Убей василиска!

Убей!

Рывок. Рылом о забрало. Бах. Больно.

Вертолет дрогнул, перекошился, начал падать, дифферен-
т на нос, ненавижу вертолетчиков, такие гады.

Убей вертолетчика, убей-а-а-а...

Турбулентность, турбулентность, кишки из носа, кровь
из глаз, я рычу, убей василиска, убей, «Анаболик Бом-
берс», альбом «Левая Тишина», убей василиска-а-а-а...

Темнота. Пахнет паленой резиной. И нашатырем.

Мерзко.

...а что вы хотите... все-таки дети... а мы их не на пило-
тов учим, я сам, между прочим, штаны чуть не... не реко-
мендую смеяться, он один пятерых таких, как вы, в узел
завяжет...

Голос Седого.

Я открыл глаза. Седой стоял рядом. В руке платок, на-
шатырем воняет до слез.

— Очнулся, — довольно сказал Седой. — Давай выходи
на воздух, я остальных подниму. А это что?

Седой увидел наушник.

— Опять эту дрянь слушаешь?! — Седой подцепил
пальцем наушник и вытащил из-под брони плеер. — Я же
запретил! У вас и так мозги разваливаются!

— Это для поднятия боевого духа, — сказал я. — Ритмичная тяжелая музыка в сочетании с мужественными патристическими текстами. Тонизирует.

— Выметайся давай. — Седой сунул платок под нос Си-рени. — Там тебя тонизируют по полной... «Убей василиска» — это что, по-твоему, мужественный текст? Ты хоть знаешь, что такое василиск?

— Знаю, — ответил я. — А в песне, между прочим, в глубоко символической форме говорится об известном случае со святым...

— Ладно, вундеркинд, выметайся. — Седой вытер лоб, поморщился. — Просыпайся, красавица, пора размять ко-сички!

Сирень зашевелилась. Седой повернулся к Дрюпину.

Дрюпин выглядел плохо, хуже, чем во время полета, Седой приложил к нему нашатырь, но Дрюпин был недви-жим и холоден, как пик Коммунизма.

Солнце не растопит лед каменной реки, весны не будет никогда, Су Ши, придворный поэт китайского императо-ра, эпоха Сун, одиннадцатый век.

Седой принялся лупить Дрюпина по щекам. Смотреть на это было невесело. Я отстегнул ремни и стал проби-раться к выходу.

Воздух. От воздуха мне полегчало.

Шлем заляпан кровью. Моей. Это из носа. Я протер шлем о колено и прыгнул на траву.

Огляделся.

Место высадки чрезмерной курортностью не отлича-лось, здоровый среднерусский депрессняк. Березки листи-ками шумят, гармошка играет, играет...

Ничего не шумит, ничего не играет. Валдайская возвы-шенность, причем в самых мрачных ее проявлениях, ми-лое, милое Лукоморье. Вдалеке разрушенный коровник,

вблизи, конечно же, покосившиеся хаты, окна в землю вросли. Над головой лопасти бесшумно перемалывают воздух.

Красиво.

Из вертолета выскочила Сирень, за ней Дрюпин.

Сирень держалась бодро, Дрюпин качался.

— А вот и они! — торжественно сказал я. — Одинокый Дуб и Расщепленная Сосна! Дрюпин, ты кто, Одинокый Дуб или Расщепленная Сосна?

— А пошел ты. — Дрюпин тер виски.

— Значит, дуб. Хорошее дерево. Дрюпин, ты в курсе, что, когда мы падали, ты дал обет?

— Какой обет? — растерялся Дрюпин.

— Конечно, может, ты сделал это в бессознательности, в состоянии аффекта, так сказать. Перед смертью многие дают необоснованные клятвы...

— И чего я обещал? — насторожился Дрюпин.

— Ты пообещал нашей Сирени, что если останешься жив, то попросишь у нее руки.

— Да? — Дрюпин покраснел.

— И ноги, — добавил я.

— Кретин. — Сирень нацепила шлем и отошла в сторону.

— Зачем ты... — поморщился Дрюпин. — Она же...

— Но ведь это правда, — сказал я. — А правду в кулаке не утаишь. Не кисни, Дрюпинг, я готов быть посаженным отцом...

— Хватит болтать. — Из вертолета появился Седой. — Времени мало. Слушайте. Радиус зоны зачистки — три километра. Деревня. По периметру расположены десантники, входить в зону им запрещено, сами понимаете...

— А зря, — перебил я. — Этих десантников как грязи, а я, между прочим...

— Повторяю, — нервно сказал Седой. — Зона зачистки — три километра. Время — до темноты.

— Объект? — спросила Сирень.

— Неизвестен. Зачищайте все.

— Убейте всех, сказал легат, господь своих узнает, — выдал я давно заготовленное.

У Седого отвалилась челюсть, Дрюпин посмотрел на меня с восхищением, Сирень не прореагировала. Так вам, собаки, так, получите...

— Иногда вы меня пугаете, — сказал Седой. — Пугаете. Не мы тебя пугаем. Тебя пугает...

— Идите. — Седой двинул к вертолету. — Удачи.

— Великий вождь, — сказал я. — Я принесу тебе печень врага! Я вырву его зоб, наполненный драгоценной яшмой!

— И помните. — Седой остановился и упер палец в небо. — Это не тренировка, это по-взрослому. Может иметь место... летальный исход.

Дрюпин кивнул. Я кивать не стал, на этой неделе у меня уже два раза имел место летальный исход. Сирень опустила забрало. Она вообще любила прятаться. Замарайка этакая.

— Эй, мистер! — крикнул я вслед Седому. — Как насчет разрушений?

— Разрушений в меру, — не оборачиваясь, ответил Седой. — Тут еще людям жить.

Он залез в вертолет, вертолет ушел вверх, мы остались одни, Валдайская возвышенность приняла нас в свои кедровые лапы, убей василиска.

— Ну, что делать бум? — спросил Дрюпин.

— Пойдем сначала туда, — я указал пальцем вдоль улицы. — Туда. Вдоль по улице...

Как называлась улица, видно не было, поэтому я по праву первооткрывателя, назвал ее сам.

— Вдоль по улице имени Всеобщей Безжалостности.

Сирень нахмурилась. Хотя из-под шлема этого и не было видно, но она нахмурилась, девчонки ведь так предсказуемы. Она хотела поспорить, хотела сказать, что надо все

делать не так, что надо идти дворами... Но промолчала, я был старше по званию и мог дать в глаз. Или даже руку сломать в двух местах, такой уж я суровый.

Вообще-то, если, конечно, по-умному делать, надо было идти все-таки дворами. Не привлекая внимания. Но с Дрюпиным не привлекать внимания было невозможно, так что что дворами, что не дворами, разницы никакой. Дворами пробираться только сложнее, грядки-шмятки всякие, сельхозугодья по колено. Провалишься в картофельную яму, к весне жуки отполируют скелет для школьного музея.

Поэтому мы пошли по улице Всеобщей Безжалостности.

Я первым, Дрюпин за мной, Сирень в арьергарде, то есть последней.

Я шагал спокойно, дышал воздухом, проветривал для будущих свершений альвеолы. Сирень тоже особо не напрягалась, чего ей напрягаться? Обоймы она меняла быстро, свои «Тесла-С» (металлопласт-керамика, пятьдесят безгильзовых патронов, дрова можно колоть) держала в идеальном порядке. Конечно, против меня ей было не выстоять, но пяток десантников зараз она могла уложить спокойно.

Она еще и ножи метала, впрочем, ножи метать любой дурак умеет. Так что Сирень не напрягалась.

Напрягался Дрюпин. Выставил перед собой детектор движения, шарил им влево-вправо, совсем как в кино. Но прибор молчал и не пикал, огоньки на нем не горели и не мигали.

— Дрюпин, — сказал я, когда мы прошли метров сто. — Нельзя так доверяться техническому прогрессу. Брось ты этот свой локатор, доверься чувствам. Посмотри на свою невесту...

— Заткнись, — тихо сказала Сирень.

— Какие грубости! — хмыкнул я. — Посмотри, Дрюпин, какая у тебя жена злобная будет... Настоящая Ксанטיפпа¹, сокращенно Типи. Сирень, можно я буду звать тебя Типи?

Сирень на провокацию не поддалась, наверное, нервы закаляла. А вот Дрюпин чего-то засуетился. Прицепил свой детектор к поясу, снял шлем, приладил к нему четырехстороннюю антенну, водрузил шлем обратно и щелчком опустил забрало.

— Теперь круговой обзор, — удовлетворенно сказал он. — Все вижу...

— А видишь ли ты свое безрадостное будущее с этой особой...

Начал я, но закончить не успел. Дрюпин запнулся и, раскинув руки, грохнулся на дорогу.

— Плохая примета, Дрюпинг, — усмехнулся я. — Спотыкаешься на ровном месте. Нехорошо с такой приметы начинать супружескую жизнь...

— Какое ровное место?! — Дрюпин откатился в сторону. — Тут бугры сплошные...

Сирень положила руку на свои «теслы».

— Кровожадность — качество совершенно не украшающее девушку... — улыбнулся я. — Лучше бы ты курила.

Это я круто. От подобной наглости Сирень подавилась собственными гландами, я это по подбородку увидел. К месту сказанное слово заменит удар ножа. Так говорил магистр Торквемада², наш духовный учитель.

Дрюпин поднялся на ноги и сунул сапогом в песок. Из песка выскочила голова.

Сирень выхватила правый пистолет. «Тесла» пустил черный солнечный зайчик.

— Что это? — испуганно спросил Дрюпин.

¹ Ксанטיפпа — жена философа Сократа, вредная и ругливая женщина.

² Торквемада Томазо — Великий инквизитор испанской инквизиции XV в.

Он снял бластер с предохранителя и принялся, как обезьяна, вертеться в разные стороны. Совсем забыв про свой локатор.

— Судя по обрубленным ушам... — Я присел. — Судя по обрубленным ушам, это...

— Алабай, — сказала Сирень. — Это алабай.

— Алабай? — прошептал Дрюпин.

— Среднеазиатская овчарка. — Сирень перевернула голову, оттянула пальцем губу. — Года четыре. Кобель.

— А почему только голова? — спросил Дрюпин. — Где... все остальное?

— Посмотрим, — сказал я.

Я отпнул голову в сторону, и мы двинулись дальше. По этой, по улице Справедливого Возмездия.

Следующую голову обнаружил уже я. Она не была зарыта в песок, валялась открыто, даже с какой-то горделивостью. Беспородный, но крупный пес. Верхняя челюсть перегрызена чуть ниже переносицы. Выглядит страшно.

— Мама... — быстро пал духом Дрюпин.

— Это тебе, Дрюпинг, не транзисторы прокачивать...

Я быстро подтянул рукава и отстегнул клапаны на кобурах.

— Похоже на волков, — сказал я. — Волки собак жрут, это у них первый деликатес...

— Чтобы так... — Сирень почесала стволком подбородок. — Должна целая стая поработать. Волков. Все-таки алабай — не болонка.

— Это не волки... — выдохнул Дрюпин.

— Почему ты так думаешь? — спросила Сирень.

Дрюпин указал бластером на землю. Я пригляделся и увидел след. Размером в две сложенные ладони.

— Вот и отличненько, — сказал я. — Дрюпинг, это настоящая жизнь начинается, вдохни ее аромат!

— Мертвечиной пахнет, — вздохнул Дрюпин.

— Похоже на медвежий, — Сирень указала пальцем. — Только большой слишком, и пальцы не так поставлены... И других следов почему-то нет...

— Посмотрим. — Я принялся сжимать и разжимать кулаки. — Посмотрим...

— Вы никогда не видели следа снежного человека? — неожиданно спросила Сирень.

— Нет, — ответил Дрюпин, — не видели...

— За меня не отвечай, Дрюмпинг, — сказал я. — Я снежного человека видел. Мы с ним даже в карты однажды играли, это было в Нантакете...

— Я тоже не видела, — продолжала Сирень. — А следы видела. Эти похожи.

— Ты хочешь сказать, что тут... — Дрюпин огляделся. — Что тут... бродит снежный человек?

Я расхохотался. Жизнерадостно так, с легкой интонацией землепроходца Хабарова или там, к примеру, Семёнова-Тяньшанского.

— Ты что, новостей не смотришь, Дрюпин? — спросил я, насмеявшись.

— Не...

Я сочувственно похлопал Дрюпина по плечу:

— Тьма. Село Путятино, феодальная раздробленность. Вчера вечером как раз передавали. Недалеко отсюда, каких-то сто километров, вполне может быть, в районе того же Путятина, защитники животных напали на лабораторию «Z». Они там ГМ занимались. Знаешь, что такое ГМ, Дрюпин?

— Генмодификация...

— Точно, генмодификация. По сравнению с ГМ твои ходячие железяки — просто детский конструктор. А в лаборатории «Z» работали над модификацией... морских обитателей.

— Клубнике подсаживали гены скумбрии? — Дрюпин проверил ремни бронезилета.